

Научно-исследовательский журнал «*Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук*»
<https://mhs-journal.ru>

2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 81'42

Субъектные сферы персонажей и автора в прозаическом тексте Венедикта Марта

¹ *Фадеева А.И.,*

¹ *Дальневосточный федеральный университет*

Аннотация: в настоящей статье выполняется грамматический анализ художественного текста на примере рассказа Венедикта Марта «Смерть под маской. Святочна быль». Работа выполнена в рамках коммуникативно-грамматический подхода с акцентом на регистры речи и композиционную структуру, в отдельных случаях включает исследование формально-сintаксической организации текста. Целью анализа является выявление типов композиционных единиц и синтаксических структур, в которых находят выражение «образа автора» и субъектные сферы персонажей (по В.В. Виноградову). Проведенное исследование показывает своеобразие и взаимодействие субъектных сфер автора и персонажей: автор обнаруживается в описательных и информативно-повествовательных фрагментах, а также фразах обобщающего характера, персонажи – в повествовательных фрагментах, в рассуждении и непосредственно в прямой речи. Выделяются типы предикатов, эгоцентрические элементы текста и регистры речи, характерные для повествователя и персонажей: общеперцептивные и оценочные предикаты встречаются в субъектной сфере автора, в сфере персонажей – частноперцептивные; в сфере персонажей присутствуют указательные местоимения и вводные слова, в сфере автора – вводные слова и оценочные средства. В проявлениях образа автора обнаруживаются эгоцентрические элементы языка, что позволяет описать его как всезнающего повествователя. В статье делается общий вывод, соответствующий наблюдениям В.В. Виноградова, о том, что именно повествователь выступает композиционным стержнем текста.

Ключевые слова: грамматика художественного текста, синтаксис сложного предложения, образ автора, субъектная сфера, коммуникативные типы речи, В. Март

Для цитирования: Фадеева А.И. Субъектные сферы персонажей и автора в прозаическом тексте Венедикта Марта // *Modern Humanities Success*. 2025. № 8. С. 26 – 35.

Поступила в редакцию: 3 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 2 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

The subjective sphere of author and characters in Venedict Mart's literary texts

¹ *Fadeeva A.I.,*

¹ *Far Eastern Federal University*

Abstract: this article presents a grammatical analysis of a literary text using Venedikt Mart's story "*Death Behind the Mask: A Christmas Tale*" as an example. The study is conducted within the framework of the communicative-grammatical approach with an emphasis on speech registers and compositional structure, while in some cases including an examination of the formal-syntactic organization of the text. The aim of the analysis is to identify the types of compositional units and syntactic structures that express the "author's image" and the subjective spheres of the characters (following V.V. Vinogradov). The conducted research reveals the distinctive features and interaction between the subjective spheres of the author and the characters: the author is manifested in descriptive and informative-narrative fragments, as well as in generalizing statements, while the characters are manifested in narrative fragments, in reasoning, and directly in direct speech. The study identifies the types of predicates, egocentric elements of the text, and speech registers characteristic of the narrator and characters: general-perceptive and evaluative predicates occur in the author's subjective sphere, whereas private-perceptive predicates occur in the characters' sphere; demonstrative pronouns and parenthetical words are present in the characters' sphere, while parenthetical words and

evaluative devices are found in the author's sphere. The manifestations of the author's image reveal linguistic egocentric elements, which allow it to be described as an omniscient narrator. The article draws a general conclusion, consistent with V.V. Vinogradov's observations, that it is the narrator who serves as the compositional core of the text.

Keywords: grammar of literary text, syntax structure of complex sentences, author's image, subjective sphere, communicative registers, V. Mart

For citation: Fadeeva A.I. The subjective sphere of author and characters in Venedict Mart's literary texts. Modern Humanities Success. 2025. 8. P. 26 – 35.

The article was submitted: April 3, 2025; Approved after reviewing: June 2, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Изучение художественного текста с точки зрения грамматики – одно из сравнительно молодых и перспективных исследований современного языкоznания. По мнению М.Ю. Сидоровой, оно приобрело широкое распространение в статьях и диссертационных исследованиях в 2016-2018 годах [13].

Грамматика художественного текста позволяет рассмотреть коммуникативно-смысловые структуры, композиционные элементы текста и приблизиться к пониманию художественного произведения как особого типа эстетического, стилевого и словесного единства.

Цель исследования – проанализировать, как в синтаксической и коммуникативной структуре текста находят отражение персонажи и автор-повествователь. Наш анализ направлен на изучение выделенного В.В. Виноградовым «образа автора». По мнению В.В. Виноградова, авторское присутствие в тексте обнаруживается в «приёмах построения художественной действительности» [1, с. 140], что нам предстоит продемонстрировать примерами из текста.

Материалы и методы исследований

Основным материалом исследования послужил рассказ Венедикта Марта, в чём творчестве отражается смешение западной и восточной культур, обусловленное многонациональным составом населения Дальнего Востока. Рассказ «Смерть под маской. Святочная быль» опубликован в харбинской газете «Восток» в рождественском номере (№6) 7 января 1931 г. Рассказ относится к выделенному А.А. Забияко Советскому периоду творчества [3, с. 151], однако он не имеет отношения к «литературе факта» и не отражает идеологическую составляющую этого периода.

К.А Землянская отмечает в этом рассказе обращение к реалиям дворянского быта, любовный и мистический сюжеты [4, с. 161]. Жанровые особенности этого рассказа как святочного включают мотивы судьбы и ряженя. К особенностям литературного святочного рассказа, по наблюдениям Е.

В. Душечкиной, относится воспроизведение событий, предшествующих святочной обстановке, ориентированность на традицию русской психологической прозы и наличие реального объяснения сверхъестественным событиям [2, с. 29-32; с. 44-47].

Методологическая база работы предполагает, во-первых, опору на исследования В.В. Виноградова, раскрывающие явления «образ автора» и «субъектная сфера». Последнее представляет собой стилистически и грамматически определённый тип композиционного построения [1, с. 149].

Во-вторых, при анализе мы пользуемся понятием коммуникативных типов (регистров) речи, предложенным Г.А. Золотовой в работах «Композиция и грамматика» [7], «Коммуникативные аспекты русского синтаксиса» [6] и «Коммуникативная грамматика русского языка» [5] и успешно применяемым к художественному тексту М. Ю. Сидоровой в работе «Грамматика художественного текста» [12]. К регистрам, встречающимся в рассказе, относятся репродуктивный, информативный, генеритивный и волюнтивный. Композиция художественного текста выстраивается за счёт комбинирования регистрационных отрезков – композитов [7, с. 287].

Кроме того, мы опираемся на работы Е.А. Иванчиковой [8] и Е.В. Падучевой [9], посвященные синтаксическим и семантическим исследованиям художественного текста соответственно.

Результаты и обсуждения

Структура рассказа

Рассказ состоит из одиннадцати небольших глав, последовательно описывающих события до святочного маскарада, во время и после. Каждая из глав, кроме последней, имеет название, связанное с её конкретным содержанием: *Ночная гостья*, *«Смерть пришла»*, *Жизнь и мечты*, *Налёт*, *Любовь на миг*, *Заря счастья*, *Потерянный крестик*, *Таинственная Пьеретта*, *Радость мести*, *В пламени*, *Эпилог*. В основе событийной линии повествования лежат отношения главного героя — Григория Хрущёва, молодого барина из отдаленного

имения, и его соседки Ольги Слуцкой, которую из-за клеветы мачехи выгнали из дома отец, и которая нашла приют в имении героя.

Повествование ведется от третьего лица, в то же время наблюдается разделение и взаимодействие субъектных сфер автора и персонажей, о чем будет сказано далее. Рассказ соединяет любовный и мистический сюжеты. В любовном сюжете, начинающемся в части «Жизнь и мечты», действуют три персонажа: Григорий, Ольга и влюбленная в Григория вдова Мария Козицкая. Мы наблюдаем внутренний конфликт Григория, который не может разобраться в чувствах к Ольге, и внешний конфликт, вызванный ревностью Марии. Завершается этот сюжет в эпилоге с рождением сына Григория и Ольги.

В мистическом сюжете, развивающемся с части «Смерть пришла», чувства Григория к Ольге входят в конфликт с тем, как реагирует на её появление тётя Григория: «— Смерть! Смерть пришла! — вдруг прорезал тишину визгливый крик». Появление тёти Людвики каждый раз связано с предвещанием скорой гибели, но до самого святочного вечера читатель не знает, о чьей гибели речь. Все события, связанные с тётей, — встреча с Ольгой, потеря крестика, встреча с Марией и смерть в пожаре — объединены характерным для святочного рассказа мотивом судьбы, и показывают её неотвратимость. Завершение мистического сюжета происходит в предпоследней части рассказа «В пламени», когда тётя Людвика отказывается покидать горящий дом: «— Смерть пришла! Без маски! Крик был почти — радостным. Сумасшедшая вскинула руками и бросилась в самое пламя...», а виновница пожара Мария Козицкая не успевает этого сделать.

Таким образом, участниками первого и второго сюжетов являются три персонажа: Григорий, Ольга и Мария — в любовном; тётя Людвика, Ольга и Мария — в мистическом.

Развитие сюжетов сопряжено с авторским делением текста на главы: любовный и мистический сюжеты пересекаются только однажды. Мы можем представить их распределение следующим образом:

1) Мистика: *Ночная гостья*, «Смерть пришла», *Потерянный крестик*, *Таинственная Пьеретта*, *В пламени*, *Эпилог*;

2) Любовь: *Жизнь и мечты*, *Налёт*, *Любовь на миг*, *Заря счастья*, *Радость мести*, *В пламени*, *Эпилог*.

Сюжеты пересекаются главе *В пламени*. Мистический сюжет оказывается предопределён конфликтом любовного. В Эпилоге сюжеты завершаются: любовный — началом семейной жизни глав-

ного героя, а мистический — рационализацией сверхъестественного события: «*крест нашли при разборке обломков дома — верно, он просто был позабыт где-нибудь в комнатах безумной старухой в страшный день Рождества*».

В рамках развертывающихся сюжетов читатель сталкивается с тремя субъектными сферами: неназванный всезнающий повествователь, чьё присутствие чаще всего сопряжено с описанием мест или персонажей; Григорий, главный герой рассказа, имеющий зрительное и чувственное восприятие и мысли, выраженные внутренней прямой речью; Мария, также испытывающая чувства и имеющая внутреннюю прямую речь. Термин «повествователь» избран как более узкий и определенный по сравнению с понятием «образ автора: повествователь эксплицитно выражен в тексте эгоцентрическими элементами (действительными словами, отождествляющими лица, предметы, временные интервалы, участки пространства, и показателями субъективной модальности) [9, с. 258].

Пересечение субъектных сфер повествователя и персонажей обнаруживается внутри повествовательных и описательных контекстов и на границах между ними. Внутри рассуждения такого пересечения не допускается. Мы проиллюстрируем эти утверждения далее.

Определим в общих чертах типы контекстов, из которых состоит текст. 8 из 11 глав начинаются с обозначения пространственно-временной локализации, выраженной описательным или информативно-повествовательным регистром. Как правило, такая экспозиция переходит в репродуктивный регистр, передающий развитие событий. В целом наблюдается прием «смещения» точки зрения с окружения на действующего персонажа (описание — герой — событие). Однако на фоне типичных для текста структур выделяются три главы.

В главе *Жизнь и мечты* информативно-повествовательная экспозиция переходит в рефлексию Григория, тоже выраженную в информативном регистре.

Глава *Любовь на миг* начинается с диалога: «— Пойдёмте в сад, — шептала Григорию Мария, забывая об окружающих. — Мне так больно...» — репродуктивный регистр здесь усложняется и волонтивным приглашением Марии, и сообщением о том, что она чувствует. Глава *Радость мести* начинается репродуктивным регистром: «*Она стояла в гостиной у потушенной ёлки...*».

Эпилог начинается в генеритивном регистре — с высказывания повествователя: «*Любовь — эгоистична...*».

Сфера повествователя и Григория
Наибольшее присутствие повествователя

наблюдаем в эпилоге и в описании-экспозиции, с которого начинается рассказ. В экспозиции в трёх предложениях информативного регистра описывается место и время действия (*во второй половине прошлого века*). Повествователь прибегает к выраженным составными именными сказуемыми **общеперцептивным** предикатам и частноперцептивным предикатам (термины М.Ю. Сидоровой) с указанием на частотность: «имение **было окружено**, лес **был не тронут**, услышать **было частым делом**»; использует прилагательные, характеризующие внешний вид объектов: «тёмным и густым лесом, небольшую лужайку, живописное озерко, зеленоватых водах, старый дом»; дополняет место характерными периодическими звуками: «волчий вой, хныканье медведя». Это позволяет наметить хронотоп в общих чертах без установления конкретной точки зрения. Знания повествователя с самого начала выходят за рамки повествования, что заметно не столько в характере описания, сколько во временной локализации текста: указание на *прошлый век* не может принадлежать субъекту, имманентному повествуемым событиям. На границе этого описательного фрагмента и начала повествования приводится обобщение вышесказанного, подводящее итог описанию и формирующее **«норму»**, которую нарушают персонажи: «Словом, этот глухой угол Белоруссии пребывал ещё в диком величии нетронутой природы, и «Барсучина» Хрущёвых стояла **одиноко, вовсе не избалованная визитами гостей и праздным гулом их пересудов**».

Переход к повествованию происходит в модальности всезнающего повествователя: возможность постановки усилительной **частицы**: «**Тем более** изумился молодой владелец усадьбы Григорий Хрущёв, ...» – связана с предыдущим обобщением. Предложение осложнено дополнительной предикативностью: «...услыхав в одну из ненастных февральских ночей 1862 года захлёбывающийся собачий лай и довольно ясный стук в ворота,» – которая вводит в повествование Григория как новый субъект непосредственного восприятия. Его восприятие ограничено — персонаж не знает, что находится за воротами, и ориентируется только на звук (*стук, лай, вой, стон*). Визуальная составляющая добавляется только в момент открытия калитки. При этом не происходит ни узнавания, ни различения внешних черт гостьи: «Вся окружённая белыми духами метели и с ног до головы обсыпанная снегом, перед ним стояла одинокая женская фигура».

Только что появившийся в тексте Григорий – не только субъект восприятия, но и субъект квалификации и оценки: «— **Почудилось!** – уже было ре-

шил он, но новый стук прогнал сомнения <...> Из-за ворот послышалось что-то вроде стона. <...> скорее простонала, чем выговорила, странная гостья и видимо, потеряв последние силы, буквально упала в объятия Хрущёва...».

Следующая глава снова начинается с описания места действия, но теперь оно дано с использованием частноперцептивного предиката слухового восприятия и содержит положительную оценку: «В большой, пустоватой столовой **весело шипел самовар**». В следующем предложении снова встречаются частноперцептивные предикаты восприятия света и тени, появляется показатель **персуазивности**: «Три свечи в бронзовом канделябре, освещая овальный стол, колебали в отдалённых углах комнаты неверные, робкие тени и метельная мгла, проникнув к окнам, казалось, слушала вместе с Григорием рассказ девушки». Это связано с изображением места глазами Григория — внутри его субъектной сферы.

Репродуктивный регистр непосредственного наблюдения переходит в информативный при передаче слов Ольги. Её речь оформлена как реплика диалога, однако представляет собой длинное, постоянно прерывающееся монологическое повествовательное высказывание. При этом интересен выбор вида глагола-сказуемого в повествовательном тексте-ремарке: «— **Какой ужас!** – говорила девушка голосом без всякого выражения...» – такое представление события, передающее повторяемость действий (в данном случае – реплик), связано с итеративной функцией глаголов несовершенного вида [7, с. 286; 12 с. 202].

Переход от повторяющегося говорения к продолжению действий происходит с использованием эгоцентрического наречия «*вдруг*», связанного со сферой восприятия Григория: «*вдруг решительно добавила она*». И далее чувства героя, возникшие в связи с монологом Ольги описаны «изнутри». Абзац соединяют в себе последовательную смену чувств, выраженную с использованием глаголов — сказуемых совершенного вида, и состояние, в которое это привело Григория: «Хрущёв **сидел** без движения, сжав зубы, как от боли...»

Эта глава разделена на две части в связи с включением внешнего взгляда, принадлежащего повествователю: появление нового для читателей персонажа – тёти Людвики – дано не с точки зрения знающего его Григория, а совершенно **извне**: «— **Смерть!** Смерть пришла! – *вдруг* прорезал тишину визгливый крик, и **расстрёпанная старуха**, с горящими безумием глазами, метнулась из дверей к столу». Здесь тоже отмечаем прерывание длящегося действия наречием «*вдруг*», обознача-

ющим событие, неожиданное уже для обоих участников ситуации.

Повествователь продолжает изображать быструю смену событий этой мистической сцены: действия тёти Людвики не называются, скрытые за репликой без ремарок, а результат передаётся в сложном предложении. «*И прежде, чем Григорий успел вскочить, канделябр покатился на пол: свет погас; а девушка, пронзительно вскрикнув, разрыдалась...*» – сочетание составного **сказуемого с фазисным элементом** и временного придаточного предложения, присоединённого союзом «*прежде чем*», дополнительно усиливает одновременность событий. Время, которое персонажи провели в темноте, точно подсчитано: «*Через пять минут столовая снова осветилась!*». Измерение текстового времени – эгоцентрический элемент, который может маркировать субъектную сферу и персонажа, и повествователя. Точное определение его принадлежности затруднено, однако он маркирует время в репродуктивно-повествовательном композитиве, то есть отражает непосредственное восприятие времени участниками сцены.

Обратим внимание, что следующая сцена изображена глаголами в итеративной функции как в монологическом отрезке, так и в ремарках реплик: «*экономка уводила старуху; Хрущёв старался утешить девушку; говорил он; говорила девушка*». Длительность сцены подчеркивается после её завершения частицей «*уже*», появляющейся перед последней репликой Ольги: «*И уже в дверях быстро вскинула на Григория <...> глаза*».

Итеративная функция глаголов используется в тексте как в сфере повествователя, так и в сфере персонажа. Так, её можно наблюдать в главе *Жизнь и мечты*, начинающейся с рефлексии Григория. Здесь в сфере персонажа итеративность сопряжена с обозначением частотности: «*Встречаясь с Ольгой за обедом, или вечером в гостиной, где иногда сидели они вместе... <...> Всё чаще и чаще он ловил себя на мысли об Ольге, и ещё неожиданнее для него было то, что мысли эти далеко не всегда носили характер жалости*»; условными отношениями: «*если* случайно они не встречались два-три часа, он неожиданно для себя оказывался у дверей её комнаты...»; и осложнениям: «*Даже работая, Хрущёв вдруг отодвигал хозяйственные записи и перед ним вставало бледное лицо Ольги*».

Разного рода подчинительные и сочинительные связи, выраженные в синтаксической структуре этой главы, связаны с рефлексивностью её содержания. Избранный информативный регистр, обеспечивающий сжатость повествования, не предполагает передачу мыслей в виде прямой речи, одна-

ко позволяет узнать их содержание. В связи с этим в главе встречаются изъяснительные конструкции, передающие косвенную речь персонажа: «*Григорий никак не ожидал, что с ним может случиться что-нибудь подобное; Он просто не знал, что ему делать, как поступать; Хрущёв почувствовал, что его душевный мир нарушен; вспоминал, что надо спросить её о том, как она спала ночь и какой сегодня день...*». Здесь же эксплицируются причинные и результативно-следственные отношения: «*Он просто не знал, что ему делать, как поступать, тем более что поведение Ольги было довольно странно...; Видеть эту молчаливую девушку, слышать её простые слова становилось необходимо для Григория <...> и он неожиданно для себя оказывался у дверей её комнаты; Хрущёв вдруг отодвигал хозяйственные записи и перед ним вставало бледное лицо Ольги*». Фразы логизированной речи (термин Е. А. Иванчиковой [8, с. 45]): изъяснительные предложения, сложные предложения с причинными и результативно-следственными отношениями характерны для субъектной сферы и редко обнаруживаются в сфере повествователя.

В этой главе переход из сферы персонажа в сферу повествователя происходит в связи с укрупнением плана: далее изображается положение Ольги в «Барсучине» в целом. Промежуточным звеном становится описание **внешних проявлений** состояния героя: «*В такие минуты глаза Григория останавливались на одной точке, и нежная улыбка блуждала на губах...*». Интересной чертой субъектной сферы повествователя, иногда вторгающейся в сферу восприятия персонажа, нужно признать именование тёти Людвики, данное в кавычках. Впервые такое употребление встречается в конце этой главы: «*Только сумасшедшая "тётя Людвика"...*». Именования этого персонажа в целом не вполне соответствуют родственным отношениям, отражая скорее позицию стороннего наблюдателя, чем Григория.

Пересечение субъектных сфер повествователя и Григория может происходить в обратном порядке, от описания внешнего состояния к внутренним переживаниям. Глава *Заря счастья* начинается с репродуктивного описания утра, наблюдаемого из одной статичной точки: «*В окна старого, дедовского кабинета чуть сочился мутный рассвет. Точно неожиданно сгущаясь из мглы, выступали предметы: тяжёлые кресла, большой стол, диван...*». Здесь видоизменяется схема *описание – герой – событие*, так как основное событие главы оттягивается статичными состояниями Григория. Имперфективные глаголы в процессуальной и итеративной функции «встраивают» персонажа в опи-

санный интерьер: «*Григорий сидел за столом... Он не замечал рассвета, как не заметил и погасшей свечи... Он в сотый раз перебирал болезненные воспоминания:<...>*». Позу Григория в этой главе наблюдает повествователь, но переход к мыслям персонажа сопряжен с его субъектной сферой, которая будет основной для изложения события. Мысли персонажа передаются внутренним монологом, состоящим из **информационно-логических** и **экспрессивно-оценочных** композитивов: «... "А Ольга"? Теперь она будет презирать его... И есть за что! Как он виноват перед ней! Чего он хотел? Чего требовал? Разве ему мало того, что она доверились ему? Надо было, чтобы она бросилась к нему в объятия, как Козицкая? O, подлость, подлость!!!». Эмоциональности внутреннего монолога служат риторические вопросы, наречия «как» и «разве», повтор. Она подчеркивается графически – тройным восклицательным знаком. Изобразительно-описательный фрагмент прерывается повествователем, подводящим итог мучительных рассуждений Григория и обеспечивающим переход к повествованию: «Когда утром Григорий вышел к чаю, лицо его было бледно и синие круги легли под глазами».

Диалог как драматическая сцена взаимодействия персонажей в этой главе является важным элементом событийного ряда. В нём изображено непосредственно наблюдаемое читателем признание Григория в любви к Ольге. Шестнадцать ремарок диалога содержат простое глагольное сказуемое совершенного вида в аористивной функции. Они трижды прерываются другими ремарками: 1) **процессуальными**: «Её участие было особенно мучительно. Как провинившийся мальчик, Григорий не поднимал глаз; Каждое её слово пронзило Григория болью, жалостью к себе, к ней, чувством виновности...»; 2) **итеративными**: «взволнованно говорила Ольга, подсаживаясь к нему; бессознательно шептал он; шептал он». Итеративными ремарками изображается длительное бессвязное говорение Григория или многочисленные вопросы Ольги об одном и том же. Выход из итеративного фрагмента происходит после графического изображения недосказанности — многоточия — введением глагола совершенного вида. В случае реплики Ольги глагол сопровождается эгоцентрическим наречием «вдруг», подчёркивающий её противоречащую сказанному Григорием реакцию: «— *Нет... я... я... ты не можешь простить... я с ней..., — шептал он, — я с ума сходил... и вот... она... — Что мне до неё! — вдруг засмеялась* Ольга счастливым смехом, — что мне «она», раз ты меня любишь... Гришка! Любишь, да?...».

Диалогическая сцена завершается с появлением в тексте генеритивного регистра – риторического вопроса повествователя: «*Разве отвечают словами на этот вопрос и разве есть на свете вина, не искупляемая любовью?*». События следующих шести месяцев сжато изложены повествователем в информативном регистре. В сообщении о свадьбе используются составные именные сказуемые и простые глагольные с имперфективным глаголом, представляющим действия как обобщенный факт [11, с. 602]: «*Свидетелями были приказчик и охотник; священник не затягивал; Свадьба была скромной; крестьянки осипали*».

Нужно отметить непоследовательное использование В. Мартом графического оформления прямой речи. Так, в главе соседствуют отрывки внутреннего монолога Григория в виде реплик с ремарками и без: «"Теперь – её! – в сотый раз тёр Григорий глаза, прогоняя это, ставшее почти ненавистным, лицо... И снова наплывало чувство ужаса: "А Ольга"? Теперь она будет презирать его... И есть за что! Как он виноват перед ней! Чего он хотел? Чего требовал? Разве ему мало того, что она доверились ему? Надо было, чтобы она бросилась к нему в объятия, как Козицкая? O, подлость, подлость!!!» Весь приведенный фрагмент представляет собой один абзац текста, в связи с чем мы делаем вывод о явной принадлежности высказываний Григорию. Кроме того, подобное оформление внутренней речи встречается в главе *Жизнь и мечты*.

В главе разворачивается диалог между Григорием и Ольгой. Реплики сопровождаются ремарками, в которых субъектная сфера внешнего повествователя и Григория сближаются в описании его чувств и поведения: «*Её участие было особенно мучительно. Как провинившийся мальчик, Григорий не поднимал глаз; Григорий вскочил, как ужаленный. Злоба, презрение, стыд – всё, сдерживаемое волей, прорвалось...*». В диалогической сцене снова встречается внутренний монолог, не оформленный как прямая речь: «*Григорий вздрогнул и вскинул глаза на неё. Нет! Это было совсем невозможно! Она уедет? А он?.. Сказать, всё сказать... Может быть – простит, а если нет...*». Такое непосредственное включение мыслей героя в повествовательный фрагмент ремарки способствует сближению субъектных сфер.

Сфера повествователя и Марии

Выделить субъектную сферу повествователя возможно не только на фоне субъектной сферы Григория, но и на фоне Марии Козицкой. Как уже отмечалось, она персонаж мистического и любовного сюжета – один из основных его элементов. Существование Марии Козицкой в тексте связано

с композиционно-событийной структурой, так как Мария в каждое своё появление нарушает «нормальное» течение жизни главного героя. Для сравнения Ольга – третий персонаж, своим первым появлением запустивший весь сюжет рассказа, – уже в третьей главе переходит из динамических элементов композиции в статические и становится частью «нормального» окружения героя: «Очень скоро она вошла в курс хозяйства и уже ни к Хрущёву, а к ней обращалась старая экономка, кухарка и вообще все обитатели «Барсучины» с вопросами по хозяйству».

Мария Козицкая впервые появляется в главе *Налёт* и описывается, как и Ольга сначала, с точки зрения Григория: «старшая из четырёх сестёр Козицких, ещё с рождества надоевшая Григорию довольно смелыми атаками». Прибытие гостей и связанное с этим недовольство Григория изображаются в репродуктивном регистре, который сменяется информативным: в текст включается реплика Марии, и возвратом к репродуктивному в ремарке со **сказуемым** – глаголом в итеративной функции: «– Ну, чего ж Вы уставились на меня, как на призрака? – преувеличенно весело **тараторила** довольно полная вдовушка, отыскивая в то же время своими острыми глазками Ольгу, из-за которой вся компания и решила нагрянуть к Хрущёву». Здесь нужно отметить способ передачи мотивации Марии и её компании — причинная конструкция с предлогом «из-за», которая находится внутри присубстантивного придаточного предложения, принадлежащего субъектной сфере все знающего повествователя.

Как при передаче чувств Григория, **чувства** Марии представляются и изнутри, и снаружи, так что читатель видит их внешние проявления: «Ревнивая злоба душила её, и под внешним весельем слишком ясно проглядывала горечь».

Глава разделена на две сцены: прибытие нежданных гостей и неловкий обед с ними. Обед изображается как драматическая сцена с помощью глаголов несовершенного вида в процессуальной функции и составных именных сказуемых. Сцена обеда начинается с **оценочного интерпретационного предиката**, поясняемого далее общепрептивными: «Затянувшись, как тяжёлый кошмар, обед был **мучительным** для всех: Григорий невпопад отвечал старшей Козицкой, которая заметила его взгляды в сторону Ольги, еле сдерживаясь от душивших её слёз, и становилась всё злее!» В этой же сцене после описания чувств Марии вводятся непосредственно её мысли: «Что он нашёл в ней? – с презрением думала Мария. – Прямо пигалица какая-то... Отец из дома выгнал... Связалась с приказчиком, а теперь его обходит!» Обратим

внимание на предикат *думала* в ремарке – глагол в процессуальной функции позволяет передать одновременно сосуществующие мысли. Однако только передачей мыслей всесторонне описание состояния Марии не исчерпывается: всезнающий повествователь далее даёт ей классифицирующую характеристику, объясняющую её мысли: «Со свойственной ревнующим односторонностью она винила во всём одну Ольгу, считая Григория лицом страдающим...»

Субъектную сферу Марии мы наблюдаем только в трёх главах: *Налёт*, *Любовь на миг* и *Радость мести*. В главе *Любовь на миг* мы видим переплетение сфер повествователя, Григория и Марии. Здесь Мария приглашает Григория уединиться с ней в саду, а он, сам того не желая, соглашается. **Неожиданность** такого поворота событий подчёркивается повествователем: «– Хорошо, идём! – грубо сказал он вдруг и быстро вышел».

Во время сцены в саду звучит несколько реплик Марии, демонстрирующих отношение к Григорию, однако он на них не отвечает. Здесь показана точка зрения Марии в восприятии Григория: «Чувство, похожее на материнскую нежность, наполняло душу Марии при взгляде на этого молодого человека, с угрюмой тоской следившего за каким-то жуяком у воды...». О принадлежности фрагмента субъектной сфере Марии свидетельствует употребление указательного местоимения «этого».

И следующий же фрагмент текста принадлежит сфере Григория, о чём опять свидетельствует указательное местоимение «этотом»: «Почти задыхаясь от нежности, Мария гладила его волосы... Лицо её было так близко и в этом лице было столько любви и безграничной преданности, что Григорий не выдержал». В конце главы точки зрения Григория и Марии соединяются: «Пьяный шёпот затуманил действительность... Весь мир пропал для них...». При этом последняя фраза выступает некоторым подведением итога всего взаимодействия героев, что дает возможность рассматривать её и как принадлежащую сфере повествователя.

Субъектная сфера Марии, в отличие от сферы Григория, в целом характеризуется некоторой «несамостоятельностью» существования. Её включение теснее сопряжено с повествователем. Так, в главе *Радость мести* невозможно говорить об отдельности субъектной сферы Марии. Как и в других главах, текст начинается с представления положения персонажей и объектов в пространстве: «Она стояла в гостиной у потушенной ёлки... Странная, мстительная улыбка блуждала на губах Марии... Подсвечник со свечей взрагивал в её руке...». Внутренняя речь Марии в этой главе со-

единена с мыслями, принадлежащими повествователю. Хотя в речи Марии и есть эгоцентрические элементы, например, указательное местоимение «эти», в этой главе, как и на протяжении всего текста, ни разу не возникает «я», что тоже показывает её «сопряжённость» с повествователем: «"Он не помнит! Он не вспомнил её! Но она ему напомнит: всё, всё! И её огромную любовь, так жестоко осмеянную, и эти шесть месяцев страданий! [разрыв абзаца] *O, ревность! Ревность от цветающей женщины, которая знает, что у неё отнимают последнее! Разве это лучшее огня?...*"». Мысли повествователя снова представляют собой генеритивный регистр: риторические восклицания и вопросы.

Сфера повествователя

В некоторых случаях сфера повествователя выделяется не на фоне сфер персонажей, а вне их присутствия. Как было замечено ранее, чаще всего сфера повествователя обнаруживается за рамками непосредственного повествования: в композитивахrepiduktivno-opisatel'nogo (см. Заря счастья), информативно-описательного (см. Ночная гостья), информативно-повествовательного (см. Жизнь и мечты), генеритивного (см. Заря счастья, Радость мести) регистра.

Так и Эпилог полностью принадлежит повествователю. Он состоит из трёх сложных предложений и содержит генеритивный («Любовь – эгоистична...») и информативный регистры. Обратим внимание на фразы логизированной речи. Первое предложение – сложносочинённое с недифференцированным союзом «и», который здесь выражает результативно-следственные отношения, а далее во второй части предложения пояснительную конструкцию: «Любовь – эгоистична, и два обгорелых трупа, – безумной старухи и ослеплённой ревностью женщины, – найденные под обломками, не помешали счастью Хрущёвых». Второе предложение Эпилога не содержит логизированных фраз. Третье представляет собой бессоюзное сложное предложение, части которого находятся в причинных отношениях: «*А еще через год крестик, потерянный «тёщей Людвойкой» в роковой день, был надет на нежную шейку новорождённого Григорьева (1); крест нашли при разборке обломков дома (2) – верно, он просто был позабыт где-нибудь в комнатах безумной старухой в страшный день Рождества (3)*». И в этом же предложе-

нии обнаруживается эгоцентрический элемент – вводное слово «верно», являющееся показателем персуазивности.

Структура предложений этой главы позволяет утверждать, что повествователю присущи и композитивы информативно-логического регистра. До Эпилога они появлялись только в связи с внутренней речью Григория.

Выводы

Результатами анализа становятся следующие выводы. В повествовательном сюжетном тексте от третьего лица В. Март прибегает к фигуре **повествователя** для структурирования сюжета: повествователем описаны место и время изображаемых событий; им в генеритивном регистре прокомментированы некоторые действия персонажей; им в информативном регистре сообщены события, не представляющие интереса для читателя; им развенчен мифический сюжет. Повествователь таким образом является композиционным стержнем рассказа.

Существование повествователя определено на фоне персонажей, в субъектных сферах которых используются частноперцептивные предикаты, тогда как в сфере повествователя – только общеперцептивные и оценочные интерпретационные. Выбор предикатов связан с тем, что повествователь не входит в мир текста как персонажи, не описывает собственные действия, однако характеризует этот мир в целом.

Субъектные сферы персонажей определяются и в связи с тем, что чувственный мир персонажей включает описание конкретных чувств, принадлежащих персонажам. Такое описание может быть дано и всезнающим повествователем, что позволяет говорить о сближении субъектных сфер. При этом в тексте находят отражение непосредственные мысли обоих персонажей, что разделяет их субъектную сферу и сферу повествователя.

Маркерами субъектных сфер в тексте являются генеритивный регистр, прямая внутренняя речь персонажей, эгоцентрические элементы (местоимения, показатели темпоральности, показатели персуазивности). Так, в сфере персонажей используются указательные местоимения; и Григорий, и повествователь являются субъектами персуазивности; повествователь обладает сведениями об историческом времени, тогда как для персонажей характерно использование текстового времени.

Список источников

1. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959. 656 с.
2. Дущекина Е.В. Русский святочный рассказ: становление жанра. СПб.: Изд. отдел Языкового центра СПбГУ, 1995. 256 с.
3. Забияко А.А., Левченко А.А.Художественная этнография Венедикта Марта: дальневосточный период // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 4 (30). С. 150 – 165.
4. Землянская К.А. «Смерть под маской. Святочная быль» Венедикта Марта: беллетристический опыт советского писателя // Русский Харбин, запечатлённый в слове: Сборник научных работ. Благовещенск: Амурский государственный университет, 2021. С. 161 – 171.
5. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004. 544 с.
6. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. 4-е изд., испр. М.: URSS, 2006. 366 с.
7. Золотова Г.А. Композиция и грамматика // Язык как творчество: Сб. науч. тр. к 70-летию В.П. Григорьева. М.: ИРЯ РАН, 1996. С. 284 – 296.
8. Иванчикова Е.А. Синтаксис художественной прозы Достоевского. М.: Наука, 1979. 286 с.
9. Падучева Е.В. Семантические исследования. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
10. Результаты поиска контекстов «самовар; шипеть, на расстоянии от 1 до 3 от Слова 1» // Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/s/PN7Ay> (дата обращения: 04.05.2025)
11. Брызгунова Е.А., Габучан К.В., Ицкович В.А. и др. Русская грамматика: в 2 т. Т. 2: Синтаксис / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1980-1982. Т. 2. Синтаксис. 709 с.
12. Сидорова М.Ю. Грамматика художественного текста. М.: Центр, 2000. 416 с.
13. Сидорова М.Ю. Грамматика художественного текста: между уникальными "экземплярами" и научными обобщениями // Отечественная филология [Электронный ресурс]. 2018. № 4. С. 35 – 55. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grammatika-hudozhestvennogo-teksta-mezhdunarodnymi-ekzemplaryami-i-nauchnymi-obobscheniyami> (дата обращения: 23.09.2024)

References

1. Vinogradov V.V. On the language of fiction. Moscow: Goslitizdat, 1959. 656 p.
2. Dushechkina E.V. Russian Christmas story: formation of the genre. SPb.: Publishing department of the Language Center of St. Petersburg State University, 1995. 256 p.
3. Zabiyako A.A., Levchenko A.A. Fictional ethnography of Benedict Mart: the Far Eastern period. Humanitarian studies in Eastern Siberia and the Far East. 2014. No. 4 (30). P. 150 – 165.
4. Zemlyanskaya K.A. "Death under the mask. The Christmas tale" by Benedict Mart: the fictional experience of a Soviet writer. Russian Harbin, imprinted in words: Collection of scientific works. Blagoveshchensk: Amur State University, 2021. P. 161 – 171.
5. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu. Communicative grammar of the Russian language. M., 2004. 544 p.
6. Zolotova G.A. Communicative aspects of Russian syntax. 4th ed., rev. M.: URSS, 2006. 366 p.
7. Zolotova G.A. Composition and grammar. Language as creativity: Sat. scientific tr. to the 70th anniversary of V.P. Grigorieva. M.: IRYA RAS, 1996. P. 284 – 296.
8. Ivanchikova E.A. Syntax of Dostoevsky's fiction. M.: Nauka, 1979. 286 p.
9. Paducheva E.V. Semantic research. M.: Languages of Russian Culture, 1996. 464 p.
10. Search results for the contexts "samovar; hiss, at a distance from 1 to 3 from Word 1". National Corpus of the Russian Language [Electronic resource]. URL: <https://ruscorpora.ru/s/PN7Ay> (date of access: 05/04/2025)
11. Bryzgunova E.A., Gabuchan K.V., Itskovich V.A. and others. Russian grammar: in 2 volumes. T. 2: Syntax. Academician. Sciences of the USSR, Institute of Rus. language M.: Nauka, 1980-1982. T. 2. Syntax. 709 p.
12. Sidorova M.Yu. Grammar of literary text. M.: Center, 2000. 416 p.
13. Sidorova M.Yu. Grammar of fiction: between unique "instances" and scientific generalizations. Domestic Philology [Electronic resource]. 2018. No. 4. P. 35 – 55. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grammatika-hudozhestvennogo-teksta-mezhdunarodnymi-ekzemplaryami-i-nauchnymi-obobscheniyami> (date of access: 09.23.2024)

Информация об авторе

Фадеева А.И., Дальневосточный федеральный университет, yallery30@gmail.com

© Фадеева А.И., 2025